

Фокина Мадина Александровна
Костромской государственной университет, профессор.

СКАЗОВОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ В РАССКАЗЕ А.Ф. ПИСЕМСКОГО «ИСТОРИЯ О ПЕТУХЕ»

(Материалы к урокам русского языка и литературы по
творчеству костромского писателя)

Художественное творчество Алексея Феофилактовича Писемского, известного прозаика и драматурга второй половины XIX века, вызывает исследовательский интерес современных литературоведов, его произведения неоднократно становились объектом изучения в отечественной филологии: [Аннинский, 1988]; [Круглова, 2006]; [Лебедев, 2009]; [Лотман, 1982]; [Плеханов, 1984; 1986] и др. В региональном аспекте представлены методические разработки Е.Н. Кругловой по изучению творчества Писемского в образовательных учреждениях Костромской области [Круглова, 2018; 2020]. Меньше изучены языковые особенности художественных текстов писателя, на сегодняшний день отсутствует монографическое исследование, посвященное своеобразию идиостиля писателя, его языковой личности. Некоторые наблюдения над языком прозаика на примере очерка «Питерщик» сделаны в публикации А.Т. Грязновой [Грязнова, 2001]. О.В. Тимашова характеризует яркие черты индивидуальной поэтики Писемского, опираясь на критические статьи Иннокентия Анненского [Тимашова, 2007]. Ю.А. Смирнова анализирует речевую структуру образа героя-рассказчика в повестях и рассказах А.Ф.Писемского [Смирнова, 1991].

Специфика сказового повествования проявляется в его ориентации на устную речь сказителя. Теоретические основы изучения языка и стиля сказа были заложены в трудах М.М. Бахтина [2002], В.В. Виноградова [1980], Б. Эйхенбаума [1924]. Современные исследователи определяют сказ как «особую форму авторской речи, проводимой на протяжении всего художественного произведения в духе языка и характера того лица, от имени которого ведется повествование» [Сковородников, 2009, с. 311 – 312]; «речь рассказчика, которую характеризует комплекс особенностей, выражающих её нелитературную и вообще неписьменную природу» [Кравченко, 2008, с. 233]. Обычно сказовое повествование представляет собой стилизацию устной разговорной речи. Нередко в роли сказителей выступают люди демократических слоев населения: крестьяне, ремесленники, народные умельцы, паломники, странники.

Сказовое повествование ярко представлено в произведениях Н.С. Лескова, П.И. Мельникова-Печерского, Павла Бажова, Бориса Шергина и др.

Рассказ А.Ф. Писемского «История о петухе» включен автором в цикл очерков «Русские лгуны» (1865). Свой художественный замысел писатель формулирует в общем вступлении к циклу: «Прислушиваясь со вниманием к тем темам, на которые известная страна в известную эпоху лжет и фантазирует, почти безошибочно можно определить степень умственного, нравственного и даже политического развития этой страны» [Писемский, 1984, с. 349]. Смысловыми доминантами всего цикла рассказов становятся лексические ряды *ложь – фантазии – актерство; лгать – врать – прихвастнуть – фантазировать*, которые образуют контекстуальную синонимию и создают циклообразующие связи.

Анализируемое произведение является двуголосым повествованием, которое объединяет речевые планы сказителя и перволичного рассказчика. В роли сказителя выступает старик Шамаев. В тексте рассказа «История о петухе» нет прямого упоминания о его социальном положении. Но этот герой является также персонажем рассказов А.Ф. Писемского «Леший» и «Фанфарон» с подзаголовками «Рассказ исправника», «Ещё рассказ исправника», откуда читатель узнает, что Иван Семенович Шамаев – исправник Кокинского уезда в глухой провинции. У него богатый жизненный опыт, по делам службы он общается с разными людьми, знает много интересных случаев и историй, хорошо разбирается в характерах и поступках, здраво рассуждает о произошедших событиях, о законе, власти и справедливости.

Придя однажды на обед к рассказчику, сказитель поведал ему историю о становом приставе Карпенко, который злоупотреблял своей должностью, был нечист на руку, хитростями, обманом и интригами вымогал деньги, во всем искал себе выгоду, нарушал закон и чувствовал себя безнаказанным, держался грубо и нагло, унижал простых людей. Узнав о том, что в одном богатом селе из-за петуха произошел конфликт между двумя крестьянами, Карпенко решил воспользоваться этой ситуацией, чтобы получить деньги от каждого из мужиков.

Живо воспроизводя динамику событий, сказитель последовательно характеризует поведение лицемерного героя, который сначала хочет понравиться местным жителям, прикидывается мягким, покладистым и внимательным, пытается быть набожным и сострадательным: *помолился перед этой иконой и первый ей свечку поставил; к каждому торговцу с поклоном и приговором*. Выражение с поклоном и приговором является частью

русской поговорки *Голова с поклоном, язык с приговором, ноги с подходом, руки с подносом*, которая позитивно характеризует общительного человека, способного расположить к себе людей, установить с ними доброжелательные отношения [Даль, 2007, с. 257]. Но в то же время, в зависимости от складывающихся обстоятельств, становой Карпенко проявляет излишнюю суровость, грубость и напускной гнев: *строгим, крикуном иногда прикидывается*. Он откровенно хамит деревенским мужикам: *Не отворачивай глаз-то, нечего!; Прочь!; я тебе прежде голову сверну*.

Для оживления повествования о давней истории в речи сказителя активно употребляются глаголы настоящего времени в значении прошедшего: *«сидит-сидит, пока пятидесяти, ста рублей не сдерёт с мужиков»; «Едет он один раз мимо одного села богатого...»; «Прямо входит он в сборную и обращается к одному из них»* [Писемский, 1984, с. 388]. Такой речевой прием характерен устной разговорной речи и фольклорным произведениям: русским былинам, легендам и сказкам. Для усиления интенсификации семантики используется редупликация глагольной формы: *сидит-сидит*. Традиции устного народного творчества прослеживаются также в создании характерных приемов выразительности. Рассказ сказителя содержит гиперболические сравнительные обороты и градационные ряды: *пьяных там, как поленьев, по углам валяется; Где мертвое тело поднимут, точно стопудовая гиря свалится на селенье; тихо, смирно, ласково; въехал, закричал, загайкал*. Лексический диалектизм *загайкал* образован от глагола *гайкал* 'кричать, орать или шуметь' [Даль, 1995, т. 1, с. 340]. Два противоположных по семантике градационных ряда характеризуют разное поведение станового Карпенко, раскрывают его лицемерие. В начале повествования он кажется спокойным, уравновешенным и доброжелательным: *тихо, смирно, ласково*. Однако старик Шамаев при этом замечает, что народ не обманешь: *только никто что-то этому не верит*. Далее двуличный полицейский чиновник выглядит властным и самоуверенным, ведёт себя резко и нагло: *въехал, закричал, загайкал*. Словообразовательный повтор префикса *за-*, свойственный разговорной речи, усиливает негативные характеристики грубого поведения Карпенко.

В речи сказителя проявляются житейская мудрость и наблюдательность, он очень точно и лаконично изображает поступки людей, описывает их внешние и внутренние качества: *сотские были народ намётанный; тот этак из рыжих, плутоватый случился; Приводят мужика; бойкий такой был, и прямо к руке господина станового*. Оценочные определения являются здесь характерной особенностью народной речи: *намётанный* 'опытный, искусный'; *плутоватый*

‘склонный к плутовству, обману, хитрости’; *бойкий* ‘решительный и находчивый, смелый’ [Словарь русского языка, 1985 – 1988, т. 1, с. 103; т. 2, с. 372; т. 3, с. 146]. Эпитет *рыжий* относится не только к цвету волос, но и к внутренним качествам человека, поскольку контактно расположенные лексемы становятся контекстуальными синонимами: *из рыжих, плутоватый*. Сравним с известными народными высказываниями: *С рыжим дружбу не води, с черным в лес не ходи; Рыжий да красный, человек опасный; Рыжих и во святых нет* [Даль, 2007, с. 251].

Старик Шамаев, уездный исправник, являясь полицейским чиновником, воспроизводит в своей речи лексику, именующую людей по социальному положению, занимаемым должностям: *губернатор, становой, сотский*; лексику, обозначающую административно-территориальные границы местности: *уезд, стан, село*; лексику с пространственной семантикой, обозначающей места, где разворачиваются провинциальные события: *церковь, кабак, лавка*.

Кульминационный фрагмент сказового повествования передается с помощью художественного диалога, в котором представлены речевые планы станового пристава, сотских полицейских и деревенских мужиков. Повествовательная полифония создается с помощью текстовых повторов и параллельных синтаксических конструкций. Смысловой доминантой эпизода является оценочная характеристика Карпенко, графически выделенная в тексте рассказа курсивом: *сердит приехал!* Узнав о том, что крестьянин Иван Петров зарезал петуха у Николая Михайлова, пристав поочередно вызывает их для объяснений, замыслив получить денежную взятку с каждого из участников конфликта. Посредниками в разговоре Карпенко с мужиками выступают его помощники, сотские полицейские, которые подсказывают простым людям, как вести себя со становым. Сначала потерпевший не придает большого значения произошедшему случаю, не заявляет на своего обидчика в полицию. Но затем пострадавшему крестьянину оглашают статью закона о том, «что совершивший преступление и покрывший его подвергаются равному наказанию»:

«Прочитали мужику; стоит он разиня рот. Сотские между тем шепчут ему:

– Видишь, – говорят, – *сердит приехал*; поклонись ему червонцем!

Поклонился мужик – освободили.

- Ну, теперь, говорят, - убийцу давайте...

Струсил и тот парень; сотские и ему шепчут:

- Видишь, - говорят, - *сердит*; поклонись красненькой!

Стал мужик кланяться, так еще не берет господин становой. Он в ноги ему повалился: «Возьми, батюшко, только!». Принял» [Писемский, 1984, с. 389].

Субъектно-речевые планы сказителя и героев объединяются в общее повествование путем текстовых повторов, которые передают настроение пристава (*сердит приехал – сердит*), а также характеризуют ответные поступки мужиков: *поклонился – стал кланяться*. Создается градация *стал кланяться – в ноги повалился*, которая выражает усиливающийся страх провинившегося крестьянина и является средством создания иронии. Параллельные синтаксические конструкции *поклонись червонцем – поклонись красненькой* относятся к речевому плану сотских полицейских, без стеснения называющих мужикам возрастающие размеры взяток становому приставу: *червонец – от пострадавшего; красненькая – от виновного*. Эмоциональное состояние крестьян, вовлеченных в конфликт, иронически характеризуется фразеологическими средствами: *разиня рот* (прост. неодобр. *разинуть рот* ирон. 'проявить крайнее удивление, изумление'); *в ноги повалился* (*падать к ногам* 'умолять, просить') [Фразеологический словарь русского литературного языка, 1996, т. 2, с. 73, 181].

Двойная актуализация семантики ключевого выражения *свернуть голову* осуществляется в диалогическом единстве и служит приемом создания комического:

« - Как, - говорит, - ты смеешь производить дневной грабёж с разбоем?

- Я, - говорит, - сударь, никого не грабил!

- Как никого? А петух Николая Михайлова где?

- Николая Михайлова петуху, - говорит мужик, - я завсегда *голову сверну* – он у меня все подсолнечники перепортил!

- Ну так,- говорит ему Карпенко, возвысив уже голос, - я тебе прежде *голову сверну*. Эй! Колодки!» [Писемский, 1984, с. 389].

В реплике мужика сочетание *голову сверну* используется в прямом смысле: крестьянин действительно уничтожил провинившегося петуха своего соседа. А в реплике станового пристава фразеологизм *голову сверну* имеет метафорическую семантику и служит средством устрашения: *свернуть голову* прост. экспрес. 'убить (употребляется как угроза)' [Фразеологический словарь русского литературного языка, 1996, т. 2, с. 218].

В диалогах станового, сотских полицейских и мужиков представлены разговорно-просторечные черты (*погляди-ка; чёрный-то; что ли; ну; эй*), обращения, характерные устной речи XIX века (*ваше благородие; батюшка, батюшко* в звательной форме; *братец, сударь*),

негативные оценочные взаимохарактеристики героев (*подлец, надругатель, дураки*).

По результатам языкового анализа сказового повествования выявляются особенности, из которых складывается речевой портрет старика Шамаева, уездного исправника: активное употребление народно-разговорной лексики, оценочных высказываний, образных средств языка; ироническое отношение к изображаемым событиям; точная, выразительная и комическая передача своеобразия речи других персонажей.

Сказовое повествование старика Шамаева составляет основной объем произведения и включено в структуру перволичного повествования. Речевой план рассказчика обрамляет сказ и представлен в сильных позициях: в начале и в конце текста. Рассказчик является слушателем истории, которую поведал сказитель. В речи исправника используются слова, обращенные прямо к собеседнику и выполняющие контактоустанавливающую функцию: *мы с вами говорили; заметьте; извольте видеть; знаете*.

В финале произведения рассказчик передает свои впечатления об услышанном, размышляет о речевом поведении сказителя и о себе:

«Слушая Шамаева, я предавался довольно странным мыслям: мне казалось, что и он всё это лжет и выдумывает для моей потехи. «Да, старичок, - думалось мне, - и ты сумеешь разыграть сцену, какую только захочешь...». Наконец, сам-то я... автор? Правду ли я всё говорю, описывая даже этих самых лгунов?» [Писемский, 1984, с. 389 – 390].

В рассуждениях рассказчика используются контекстуальные синонимы *лжет – выдумывает – разыграть сцену*, которые создают циклообразующие связи. Повествователь допускает мысль, что сказитель может приукрасить, выдумать свой рассказ, чтобы угодить собеседнику. В то же время размышления рассказчика передают авторскую позицию. Писатель завершает произведение проблемными вопросами, которые ориентируют читателя на понимание сложной природы художественного творчества, в котором присутствуют вымысел, фантазия автора.

Важным способом выражения авторской позиции является также заглавие рассказа «История о петухе». В динамике развертывания общей текстовой семантики это название приобретает смысловую многомерность: 1) петух – домашняя птица крестьянина, которую уничтожил сосед; 2) петух – метафорическая характеристика главного героя, станового пристава Карпенко (*петух перен. разг. 'о задиристом, запальчивом человеке, забияке'*) [Словарь русского языка, 1985 – 1988, том 3, с.116].

Таким образом, в рассказе А.Ф. Писемского «История о петухе» активно функционируют лексико-фразеологические, морфологические и синтаксические языковые средства, которые передают динамику изображаемых событий, создают речевой портрет сказителя и яркие характеристики других героев произведения, диалогизируют монологическое слово сказового повествователя, формируют текстовую модальность, отражают авторскую позицию. В художественном сказе представлена сложная модель коммуникации: автор – сказитель – первоначальный рассказчик в роли слушателя – читатель. Писатель широко использует народно-разговорную лексику и фразеологию, контекстуальную синонимию, формы настоящего времени в значении прошедшего, словообразовательные повторы, градации и гиперболы, параллельные синтаксические конструкции, что способствует созданию комического и экспликации концептуального содержания рассказа.

Литература

1. Аннинский Л.А. Сломленный : повесть о Писемском // Аннинский Л.А. Три еретика. Москва : Книга, 1988. С. 13 – 142.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 тт. Том 6. Москва : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. С. 7 – 300.
3. Виноградов В.В. Проблема сказа в стилистике // Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Москва: Наука, 1980. С. 42 – 54.
4. Грязнова А.Т. Язык и стиль очерка А.Ф.Писемского «Питерщик» // Русский язык в школе : научно-методический журнал. 2001. № 2. С. 61 – 69.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа. Москва : Русский язык – Медиа, 2007. 814 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 тт. Москва : ТЕРРА, 1995.
7. Кравченко Э.Я. Сказ // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. Москва : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 233 – 235.
8. Круглова Е.Н. Проблема образа автора в творчестве А.Ф. Писемского // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. 2006. Том 12. № 4. С. 130 – 135.
9. Круглова Е.Н. Региональный аспект отечественной литературы: изучение творчества А.Ф.Писемского в школе // Духовно-нравственные основы русской литературы : сборник научных статей / науч. ред. Н.Г. Коптелова ; отв. ред. А.К. Котлов. Кострома : Костромской государственной университет, 2018. С. 154 – 156.
10. Круглова Е.Н. Элективный курс по творчеству А.Ф.Писемского в рамках новой предметной области «Родная литература» в образовательных организациях Костромской области // Духовно-нравственные основы русской литературы : сборник научных статей / науч. ред. Н.Г. Коптелова ; отв. ред. А.К.

Котлов. Кострома : Костромской государственной университет, 2020. С. 177 – 181.

11. *Лебедев Ю.В.* Алексей Феофилактович Писемский // Лебедев Ю.В. Литература Костромского края XIX – XX веков : книга для учителя. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. С. 157 – 183.

12. *Лотман Ю.М.* А.Ф. Писемский // История русской литературы. Том 3. – Ленинград : Наука, 1982. – С. 203 – 231.

13. *Писемский А.Ф.* Рассказы. Москва : Советская Россия, 1984. 432 с.

14. *Плеханов С.Н.* От имени жизни : А.Ф. Писемский // Писемский А.Ф. Рассказы. Москва : Советская Россия, 1984. С. 5 – 19.

15. *Плеханов С.Н.* Писемский : Жизнь замечательных людей. Москва : Молодая гвардия, 1986. 174 с.

16. *Сковородников А.П.* Стилизация // Энциклопедический словарь-справочник : Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. 2-е изд. Москва : Флинта : Наука, 2009. С. 309 – 313.

17. Словарь русского языка : [в 4 томах] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. Москва : Русский язык, 1985 – 1988.

18. *Смирнова Ю.А.* Речевая структура образа героя-рассказчика в повестях и рассказах А.Ф. Писемского // Поэтика и стилистика. Москва : Наука, 1991. С. 192 – 201.

19. *Тимашова О.В.* И .Анненский о стиле А.Ф. Писемского и А.Н. Островского // Известия Саратовского университета. 2007. Том 7. Сер. Филология. Журналистика. Вып.2. С. 37 – 45.

20. Фразеологический словарь русского литературного языка: [в 2 томах] / Сост. А.И.Фёдоров. Москва : Цитадель, 1997.

21. *Эйхенбаум Б.М.* Иллюзия сказа // Эйхенбаум Б.М. Сквозь литературу. Ленинград : Academia, 1924. С. 152 – 156.